

ФЕМИНИЗМ КАК ЭКСТРЕМИЗМ

В настоящей статье речь пойдет об экстремистских проявлениях феминизма. Развернувшееся в 60-х годах XX века на фоне «производственной» и «кухонной» революций феминистское движение в Европе и Америке приобрело радикальные формы выражения, словно перечеркивая этим исторически сложившийся образ женщины как «пассивного начала».

Вообще Новейшее время стало эпохой не только мировых войн и социальных преобразований, но и трансформаций в гендерной сфере, массового распространения феминизма, борьбы разного рода меньшинств (от этнических до сексуальных) за политические, социальные, экономические и пр. права. На фоне других малопредсказуемых и шокирующих социальных явлений феминизм не стал неожиданностью: конфликтность в какой-то степени всегда была свойственна взаимоотношениям полов. Для многотысячелетней культуры факт мужского шовинизма не являлся новостью, и ситуации периодического «бабьего бунта» возникали еще во второй половине XIX века, прежде всего, в области политических прав. Однако во второй половине XX века женский протест приобрел острый, резкий и глубоко не рациональный характер – феминизм начал проявлять себя как экстремизм.

Радикальное течение феминизма (представителями которого являются К. Миллет, Р. Брайдотти, А. Рич, Л. Иригари, С. Файерстоун, Ю. Кристева и др.), появившееся в начале 70-х годов XX века, базировалось на следующих постулатах: женщины есть первая угнетаемая группа; подавление женщин является самой распространенной и самой глубокой формой угнетения и существует практически в каждом обществе; подавление женщин представляет собой концептуальную модель для понимания других форм подавления. Акценты в радикальной теории значительно изменились по сравнению с либеральным феминизмом. Если либералки развивали стратегии равенства женщин с мужчинами в рамках существующей гендерной системы, то крайне радикальный феминизм с самого начала стоял в оппозиции к ней. Вместо разработки культурно-правовых реформ они переходят к критике самого патриархального общества и его институтов, в том числе *правовой* регуляции отношений; вместо утверждения сходства женщин с мужчинами обосновывается тезис о принципиальных различиях в мужской и женской природе (сущности). Радикалки отвергают борьбу за равноправие с мужчинами, ценой которого выступает принятие женщинами «мужских» ценностей и стандартов поведения; они утверждают ценность особого женского мира и выступают за развитие сепаратной женской культуры. Но самое главное заключается в том, что центр внимания перемещается с анализа публичной сферы (роль государства как гаранта обеспечения прав женщин, реформирование законодательной системы, участие женщин в политике и прочее) на анализ частной сферы – взаимоотношения женщин и мужчин, семья, материнство и так называемый «специфический женский опыт подавления». В соответствии с этим меняются и политические стратегии феминизма. Феминизм как экстремизм – это теория, образно говоря, «разработанная женщинами для женщин, основанная на женском опыте», на убеждении в том, что женщины как группа имеют общие интересы, объединяющие их в сестринство, которое выше разделения по стране или расе. Именно поэтому радикальные феминистки принципиально отвергают компромисс с существующими политическими точками зрения [1, с. 188].

Исходной посылкой построения теории радикального феминизма выступает тезис о том, что общество конституирует мужское (маскулинное) как позитивную культурную норму, а женское (феминное) – как отклонение от нормы. Это в свою очередь основано на убежденности в «непреходимой космической противоположности между сущностью мужчины и женщины» [2, с. 279]. Впервые проблема подавления феминного в культуре была обозначена Симоной де Бовуар в книге «Второй пол». Проанализировав биологические, социально-философские, психоаналитические теории, а также литературные произведения, Бовуар показала, что для западного общества характерно отношение к женщине как к «другому» или «иному» (то есть как некоторому отклонению от маскулинной нормы). Из концепции инаковости женщин следует, что «различия», культивируемые традиционной культурой, – это метафоры для обозначения иных или якобы иных форм жизни. Общественная группа, обозначаемая как «другая/иная/чужая/чуждая», получает свидетельство о «неполноценности» и лишается права на «равенство», – пишет Бовуар. Для радикального феминизма было изначально характерно рассмотрение различий мужского и женского с точки зрения, прежде всего, биологических различий, причем важны не сами по себе эти различия, – их

наличие никогда и ни у кого не вызывало сомнений. Анатомия женщины стала рассматриваться как некий «злой» рок, фатум. Бовуар вынуждена констатировать: «мужчина в своей продуктивной деятельности трансцендирует свое животное состояние. Женщина пассивно претерпевает свою биологическую судьбу, ибо рожать и кормить – это не деятельность, это естественная функция» [4, с. 94–95, 180–185 и др.]. Ниже мы покажем, что некоторые экстремистски настроенные феминистки (к примеру, Л. Иригари [5]) призывают вообще к отказу от материнства и от каких бы то ни было половых связей с мужчинами («феминизм – это теория, лесбиянство и женский онанизм – это практика» [2, с. 196]).

Идеи Бовуар во многом дали импульс развитию теории радикального феминизма. Суламифь Файерстоун продолжила эту тему. Она утверждала, что патриархат коренится не в экономическом неравенстве полов, а в различиях репродуктивных ролей женщин и мужчин. Эти различия детерминируют первое разделение труда и возникновение «биологических классов», на которых основана вся последующая парадигма «кастовой дискриминации». Файерстоун заимствует идею разделения труда из работ К. Маркса и Ф. Энгельса (их идеи были очень популярны у ранних радикалов), однако перерабатывает ее в соответствии с собственным миропониманием. Файерстоун предлагает свое решение проблемы неравенства мужчин и женщин – не социалистическую (как у Маркса), а феминистскую революцию, целью которой является создание андрогинного общества [11, с. 155–162]. Она была убеждена, что равноправие женщин не слишком сильно зависит от того, как много образовательных, юридических и политических прав они имеют; столь же не важно, как много женщин вовлечено в общественное производство. По мнению Файерстоун, до тех пор, пока не изменится способ биологического воспроизводства, будут существовать два противоположных «биологических класса» и дискриминация женщин. Подобно тому, как пролетариат (по К. Марксу) должен овладеть средствами производства для устранения экономической классовой системы, женщины, утверждала Файерстоун, должны контролировать средства воспроизводства человеческих существ для преодоления «сексуальной классовой системы». Для достижения этих целей Файерстоун предлагала заменить традиционный способ деторождения репродуктивными технологиями [11, с. 167]. Она верила, что в результате этого половые различия между людьми перестанут иметь социальное и культурное значения. Более того, преодоление разрыва между продуктивными и репродуктивными ролями мужчин и женщин поможет преодолеть и все иные структуры подавления.

Два важнейших понятия теории экстремистского феминизма – патриархат и сексуальная политика – были разработаны Кейт Миллетт. Сам термин «патриархат» (производное от греческого понятия, обозначающего главу рода) использовался задолго до ее исследовательской работы, в том числе и в политической теории. Миллетт придала этому понятию новый смысл и сделала его ключевым для анализа культуры. Механизм утверждения патриархата назван ею «сексуальной политикой», под которой она понимает такую совокупность социальной, идеологической и политической систем, в которой женщины и женское всегда подчинены мужчинам. И поскольку подчинение женщин коренится, по мнению Миллетт, в гетеросексуальной модели, где всегда господствуют мужчины, постольку сексуальные отношения по сути являются властными, или политическими, отношениями. Такая сексуальная политика детерминирована не биологическими различиями между полами, а тем, что общество конституирует феминное как *вторичную* сущность [8].

В отличие от большинства традиционных политических теорий крайне радикальный феминизм не рассматривает государство и государственную власть как центр политической системы. Государство, с его точки зрения, – это лишь одно из проявлений патриархальной власти и лишь один из инструментов мужского контроля над женщинами. По мнению радикальных феминисток, не имеет значения, как много законов принято или как много женщин участвуют в общественной жизни, потому что именно государство отражает, продвигает, поддерживает гендерную иерархию и ответственно за нее. Экстремистки отвергают либеральное представление о том, что государство выступает нейтральным арбитром. По их мнению, правосудие также не является всеобщим социокультурным арбитром. Независимо от того, насколько активно сами государства выступают за формальное равенство прав, фактически представительницы феминизма поддерживают субординацию женщин [3, с. 134–135]. Причина этого в том, что в условиях патриархата государство само базируется на маскулинной власти и реализует интересы мужчин, поэтому женщины не могут рассчитывать на его помощь. Законодательство в «мужском» государстве может придавать статус законности угнетению женщин или просто маскировать их дискриминацию посредством формального равенства. Редкие примеры успешности женщин в либеральном государстве объясняются радикальными авторами различных публикаций тем обстоятельством, что такие женщины вынужденно приняли нормы и дискурс бюрократии, которая фундаментально основана на иерархии и неравенстве. По мнению ряда авторов, исключение женщин из

системы государственной власти – это, скорее, симптом, чем причина гендерного неравенства [10, с. 241–243].

Радикальный феминизм отвергает традиционные политические стратегии и программы либерального феминизма, направленные на проведение законодательных реформ для достижения равноправия. Для него существовала только одна возможность реального освобождения – уход из «мужского мира насилия» и создание через некую процедуру «трансценденции» изолированного «женского пространства» (женской культуры) [9, с. 70–71]. В этом контексте в 70-е годы XX века появились женские кооперативы, коммуны, клиники, клубы, шелтеры (т.е. убежища для подвергающихся насилию женщин), развивались «женские культурные проекты» – феминистская литература, кинематограф, живопись. Однако со временем такой культурный сепаратизм начал оцениваться многими феминистками (в том числе и радикальными) как утопия и политический тупик [7, с. 61–84]. Во-первых, довольно скоро стало ясно, что создание «отдельной» женской культуры – это выстраивание своего рода культурного гетто, которое фактически утверждает патриархат как норму. Во-вторых, данная идея не может быть принята и поддержана большинством женщин – работающих и имеющих семью и детей. Более того, экстремизм сепаратистской позиции создает немало практических трудностей и для ее адептов – например, тех лесбиянок, которые хотели бы стать матерями и воспитывать детей. Законодательное регулирование таких вопросов, как искусственное оплодотворение «в пробирке», а также опеки над детьми, появившимися с помощью данного способа, представляет собой значительные трудности и является предметом бесконечных дискуссий. Но самое, пожалуй, печальное для этого вида экстремизма – осознание того факта, что властные отношения и подавление женщин не могут быть устранены простым исключением мужчин из круга общения. В. Брайсон отмечает, что хотя некоторые женщины, действительно, нашли «эмоциональный покой в партнерстве с женщинами или в совместном ведении хозяйства, другие обнаружили, что в отношениях между женщинами тоже присутствуют и ревность, и боль, и подавление» [1, с. 223]. Иными словами, женщины также могут подавлять женщин (в том числе и в приватной сфере), как это делают мужчины, что стало очевидным и для радикальных сепаратисток.

Главными темами экстремистски настроенного феминизма стали: брак, семья, сексуальность, материнство, насилие над женщинами, мужской контроль над языком и знаниями. По утверждению Кристин Дельфи, брак – это трудовой контракт, в результате которого мужчина эксплуатирует женский труд и становится хозяином. Согласно ее мнению, женщины как группа, подчиненная производственным отношениям, составляют класс, однако как категория людей, своим рождением определенная стать членом этого класса, они составляют касту. Джулиет Митчелл называет супружество «садистской формой эксплуатации» [6, с. 167]. По ее мнению, брак и семья являются основными институтами патриархата и угнетения женщин [8, с. 155]. Семья, по общему мнению названных авторов, представляет собой вовсе не «естественное устройство», а общественный институт, в котором мужчины проявляют свою сексуальную власть и эксплуатируют женский труд. Помимо этого, семья воспроизводит традиционную гендерную иерархию, а подрастающее поколение в ходе социализации усваивает гендерные нормы и стереотипы (В. Бернанд и др.).

Симптомом экстремистского феминизма является и навязчивый интерес к теме материнства. Вслед за С. Файерстоун данную тему стала развивать Э. Оукли. Анализируя на основе результатов нескольких социологических исследований «миф о материнстве», Оукли выделила три его составляющие: детям якобы нужна биологическая, а не социальная мать; дети, особенно маленькие, нуждаются в том, чтобы именно мать (а не отец) целиком и полностью посвящала себя заботам о них; ребенку нужен один ухаживающий, а не множество. Вывод Оукли заключается в том, что материнство является не столько биологическим событием, сколько культурным конструктом, служащим *подавлению* женщин (!). По ее мнению, многие женщины, которые были бы счастливы без детей, становятся матерями (и часто несчастными) только из-за опасений получить ярлык неудачниц или даже ненормальных.

А. Рич попыталась избежать крайностей, характерных для теории С. Файерстоун, и проанализировала материнство как личный опыт и социальный институт. Она показала, что если в личностном плане материнство может приносить удовольствие и радость, то социальный институт материнства налагает на женщину слишком много ответственности и ограничений, что приводит к стрессам. Результатом работ Оукли и Рич стало переосмысление в теории радикального феминизма личного опыта материнства, связанного с самоотверженной заботой о детях. Материнство стало считаться проявлением особой системы женских ценностей и близости к природе. Очевидно, что пытаясь изменить консервативные представления о семье, радикалки впали в другую крайность – они объявили потенциальную способность женщин к материнству «источником силы» [1, с. 217]. На наш взгляд, не менее важно и то, что для радикальных феминисток материнство выступает синонимом родительства. Отцовство как социальный

институт ими либо не рассматривается, либо оценивается отрицательно (как роль «патриарха» в семье). Таким образом, репродуктивные роли и родительство соотносятся только с женщинами, что фактически закрепляет традиционную гендерную дихотомию феминного и маскулинного. Иными словами, радикалки фактически остаются в плену тех же гендерных стереотипов, с которыми борются.

Как и опыт любого экстремизма, опыт феминизма печален: феминистские идеи и практические акции не решают тех настоящих серьезных проблем, которые могут быть решены лишь постепенно – в ходе совершенствования социальной и культурной жизни, при большой и добровольной работе и мужчин, и женщин над своими душевными качествами.

Литература

1. Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001.
2. Вейнингер О. Пол и характер. М., 1992.
3. Гендерный калейдоскоп / Под ред. М.М. Малышевой. М., 2001.
4. Де Бовуар С. Второй пол. М., 1997. Т. 1: Факты и мифы.
5. Иригари Л. Пол, который не единичен // http://www.humanities.edu.ru/db/msg/_ftn1.
6. Красиков В.И. Экстрим. М., 2006.
7. Кэрролл С.Дж., Зерилли С.М. Феминистские вызовы политической науке // Общественные науки и современность. 2001. № 6.
8. Миллетт К. Сексуальная политика // Вопросы философии. 1994. № 9.
9. Некрасов С.Н. Феминистский постструктурализм: теория и практика // Философские науки. 1991. № 1.
10. Ушакин С. Политическая теория феминизма: современные дебаты // Введение в гендерные исследования / Под ред. И. Жеребкиной. СПб.; Харьков, 2001. Ч. 1.
11. Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков, 1998.